

:

著者(英)	Marina Mongush
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	92
page range	24-37
year	2010-05-25
URL	http://doi.org/10.15021/00001023

по отношению к современному поколению уже звучит некорректно. Более того, в будущем, когда строительство железной дороги в Туву будет завершено, следует ожидать значительного усиления миграционных процессов в регионе и активизации контактов тувинцев с внешним миром. Изоляции Тувы таким образом будет положен конец.

3. У оленеводов Тоджи

15 июня 1910 года экспедиция направилась в Тоджинский кожуун. Англичан здесь в первую очередь интересовали «туземцы-олeneводы», которые «составляют очень незначительную часть всего урянхайского племени» и «меньше всего подверглись всяким внешним влияниям и более других своих сородичей сохранили своеобразие и чистоту типа, языка, религии и образа жизни» (Каррутерс 1914:125, 132).

Тоджа – единственный район в Туве, где географические и природно-климатические условия максимально приспособлены для ведения оленеводства (фото 19). Он же и самый большой из 17 кожуунов республики. Общая территория его составляет 44,8 тыс. кв. км, то есть 26,2% от всей площади республики; плотность населения - 1 человек на 10 кв. км. Район со всех сторон окружен высокими горными хребтами. Равнинная часть земли местами болотистая, 62% территории покрыта густым лесом, что составляет 41% лесного фонда республики. Температура летом здесь колеблется от +17 до +35; а зимой от -18 до -50 градусов по Цельсию. Влажность при этом низкая.

Англичанам, до этого уже имевшим представления о том, как разводят оленей в Северной Европе, непременно хотелось узнать, как это делают в Центральной Азии. «Наша встреча с урянхайцами (тоджинцами – М.М.) ознаменовалась весьма забавным происшествием, заслуживающим особо быть отмеченным, - пишет Каррутерс. - Чтобы иметь друга во время долгого путешествия, я еще в Сибири купил собаку, которая за ее способности хорошо охотиться на белок, носила русское имя Белка. Это была совершенно белая собака, из породы высоко ценимой в Сибири охотниками за мехами и широко используемой на почтовых трактах для запряжек в правительственные почтовые повозки. В продолжении нашего путешествия ей предоставлена была полная свобода проявлять свой охотничий инстинкт... Она ловила крыс и мышей на всем пути от Енисея до Китайского Туркестана... ». Однажды Белка почуяла запах какого-то зверя и начала охоту на него. Вдруг неожиданно перед ней оказался белый олень. «Результат получился ошеломляющий; олень начал улепетывать, а за ним помчалась и моя собака; верховой урянхаец, который вслед затем появился из лесной чащи, последовал за ними в

горячую погоню. К счастью, олень обогнал своего преследователя ..., собака оказалась сбитой с истинного следа, и мы случайно сделались друзьями с пастухом, который казался не менее пораженным, чем были поражены мы сами. Знаками мы убедили его проводить нас до его жилища, и он, проведя нас по боковой линии, носящей наименование Ала-Суйской, скоро привел нас к очаровательному лугу, раскинувшемуся между холмами, где на залитой солнцем мураве, под тенью леса сгруппированы были островерхие шалаши или вигвами лагеря урянхайцев. Мы проследовали по долине, направляя свой путь между группами оленей и пугая своим внезапным и странным появлением многочисленных молодых урянхайцев – пастухов и, в конце концов, подошли к самому лагерю» (Каррутерс 1914:130-131).

Далее события развивались весьма прозаично. Англичане разбили временный лагерь рядом с оленеводами. Последние встретили иностранных гостей более чем дружелюбно, они помогли им распаковать груз и за умеренную плату обеспечили их продуктами питания. «По первому впечатлению мы не заметили никаких признаков исключительности, а также боязливости, которые обычно приписываются урянхайцам; - пишет Каррутерс, - напротив, попав к ним внезапно, прямо из леса, мы были ими встречены как любопытные и интересные посетители, которые довольствовались тем только, что раздавали им подарки, не требуя за эти подарки ничего взамен, и которые тратили большую часть своего времени на поднятие своих «магических ящиков» или на разглядывание солнца, как они объяснили себе наше старание наделать как можно больше фотографических снимков и произвести как можно больше астрономических наблюдений». «Трудно описать то невольное и сильное чувство восторга и огромного удовлетворения, какое испытываешь неизменно при виде обстановки жизни и уголка на земной поверхности, которые еще совсем не развращены победоносным шествием цивилизации, и которые в то же время сохранились во всей прелести своей первобытной простоты». «Мы провели в этом лагере несколько дней, стараясь извлечь как можно больше пользы от обстоятельств, в которых очутились» (Каррутерс 1914:131-133).

Лагерь местных жителей состоял из 27 чумов, раскиданных группами по прекрасному луговому пространству, поднимающемуся свыше чем на 3500 футов над уровнем моря. Такая уединенность и отрезанность от внешнего мира этой небольшой горстки «лесного племени» произвела на англичан огромное впечатление. «Народец, среди которого мы очутились, принадлежал к клану Тойи» (Тожу – М.М.) и Марди (Маады – М.М.)», - пишет Каррутерс. Далее он подробно описывает антропологические и

этнографические особенности тоджинцев: их «можно скорее назвать низкорослыми, худощавыми и юркими, благодаря чему они кажутся проворными и ловкими»; «некоторые из них производили впечатление сильных и хорошо сложенных людей»; согласно измерениям Прайса, «средний рост мужчины колеблется от 5 футов 4 дюймов до 5 футов 6 дюймов, а женщины – от 4 футов 6 дюймов до 4 футов 7 дюймов»; у них «наблюдается поразительное разнообразие типов даже и среди членов одного и того же лагеря»; «среди них встречаются особи с ярко выраженным монгольским типом, тогда как другие, наоборот, поражают совершенным отсутствием признаков омонголения»; они «отличаются темными прямыми и реже нежными волосами; иногда светлые и даже каштанового цвета волосы не представляют среди них исключения; основными чертами их характера являются «боязливость, застенчивость, осторожность, независимость, боязнь вторжения и суеверие». Каррутерс признается, что им до этого ни разу «не приходилось видеть такое племя, обиход жизни которого так полно соотносывался бы с окружающей его местностью»; в этом районе «единственным домашним животным, годным для использования его человеком в практических целях, является олень»; вокруг этого лагеря «разгуливало до 600 голов этих своеобразных животных» (Каррутерс:134-135, 228-229).

Одной из важнейших целей английской экспедиции было изучение тувинской породы оленей (фото 18). Этим вопросом скрупулезно занимался Миллер. По всей вероятности, он был либо ветеринаром, либо зоологом. Сам Каррутерс признает, что всеми сведениями, касающихся этих животных, он обязан именно Миллеру. В частности, мы находим следующие сведения о них: в жаркие дни эти животные «задыхались даже и под тенью сосен», зато в облачную погоду «они весело разбрелись по лугам и паслись в полное свое удовольствие». Поскольку «номады не утруждают себя заботами о выпасе оленей», те с наступлением сумерек «сами возвращаются с пастбищ не только просто к лагерю, но даже к определенным палаткам своих настоящих хозяев»; вечером женщины дают им «по маленькой порции соли, которую последние в это время едят весьма охотно». Англичан интересовало, не случается ли так, что домашние олени, случайно отбившись от стада, примыкают потом к диким; но на это им «туземцы» ответили, «что их олени, встречаясь с дикими оленями, обычно пугаясь и теряясь, никогда не смешиваются с последними». В то же время Каррутерс отмечает, что тувинцы-тоджинцы не отказывают себе в удовольствии охотиться на диких оленей, однако они никогда не ловят их живыми и тем более не стараются приручить их. Из этого он делает следующее предположение: «В диком состоянии олень

водится в небольшом количестве в отрогах Саянских гор; здесь он представляет из себя, вероятно, остатки некогда больших стад, в давно прошедшие времена служивших источником, из которого мало по малу образовалась прирученная в настоящее время порода, принадлежащая урянхайцам» (Каррутерс 1914:136-137).

Обуреваемые желанием увидеть дикого оленя, англичане «путем осторожных уговоров и ценой подарков», какими являлись сжатый порох, табак и ножи, уговорили двух местных мужчин проводить их до долины реки Чапсы, где находилось убежище диких оленей. При этом они также «руководствовались тайным намерением попутно исследовать этот район и в то же время решить некоторые другие естественно-исторические вопросы». Однако вскоре англичанам пришлось убедиться в ненадежности тувинских проводников, решительно отказавшихся сопровождать их до конечной точки. Предложенное вознаграждение, «которое могло бы соблазнить корыстолюбие любого заурядного оленьего пастуха», оставило их равнодушными. Участникам экспедиции пришлось продолжить путь без проводников (Каррутерс:137-139).

Увидеть стадо диких оленей англичанам так и не удалось. «Возвращаясь однажды после долгой дневной экспедиции пешком, уже к вечеру я увидел внезапно оленя...- пишет Каррутерс. - Пасясь и передвигаясь с места на место среди обильной высокой травы, искоса освещенной лучами заходящего вечернего солнца, он казался совершенно чистым, белым пятном на зеленом фоне. На этот раз я был безоружен и потому не мог помешать оленю невозмутимо прогуливаться. На следующее утро на рассвете мы вернулись к этому месту с Миллером, который найдя оленя в том же самом положении, решил к нему подкрасться, но потеряв целый день, так и не смог это сделать – настолько трудны были условия местности. Это был единственный случай, когда мы видели дикого оленя» (Каррутерс 1914:144).

Потеряв надежду поймать дикого оленя, англичане решили приобрести домашнего оленя. После долгих переговоров с оленеводами Миллеру все же удалось купить у них это животное. Об этой сделке Каррутерс сообщает следующее: «Несмотря на то, что стада оленей у туземцев излишне велики для удовлетворения их потребностей, а также на отсутствие спроса на оленя извне, вследствие чего они не имеют никакой рыночной цены, урянхайцы чрезвычайно неохотно соглашались расстаться даже с одним из этих животных. Предложение цены значительно превышавшей действительную стоимость оленя не имело никаких практических результатов. ... 30 шиллинговая плата не вызвала никакого соревнования между различными содержателями палаток, благодаря чему

не удалось несколько уменьшить цену сделки. Очевидно среди урянхайцев деньги не пользуются еще вовсе уважением. Все наши торговые товары полностью пришлось выложить в соблазнительном ряду с тем, чтобы повлиять на воображение какого-нибудь прохожего урянхайца – пастуха; но несмотря на то, что ножи, иглы, мыло, музыкальные инструменты, раскрашенные бусы и автоматические зажигалки для трубок очень занимали туземцев, они отнюдь и не думали считать все эти предметы стоящими хотя бы одного оленя. Некоторые тщеславные старые женщины сильно интересовались полотнищами красного и желтого бархата, но они не могли ничего предложить за них взамен кроме оленьего молока, которое и мы без того получали по определенной нами цене в три иглы, или в три безопасные булавки, за чашку. Как никак, но прекрасный экземпляр домашнего оленя был в конце концов приобретен, убит и с него Миллером снята шкура» (Каррутерс 1914:149-150).

Англичане были поражены крайней неприхотливостью оленеводов. Они производили впечатление людей, которые для удовлетворения своих нужд полагаются исключительно на дары леса и природы; казалось, ничто не нарушает их спокойствия, «кроме злонамеренных козней злых духов в отношении принадлежащих им стад», а потому наслаждаясь своим уединением, они не обнаруживали ни малейшего желания покидать свои места. Жизнь им не казалась тягостной: они владели огромными пастбищами, умели добывать пищу и обеспечивать себя всем необходимым. И даже внешних врагов у них не было. О неприхотливости тоджинцев в быту Каррутерс пишет: «...только проникнув в закоптелые дымом шалаши и познакомившись с предметами их одежды и домашней утвари, мы окончательно поняли, насколько полна их зависимость от природы. Все шалаши были покрыты кусками березовой коры, сшитыми вместе в виде заплат и поддерживалась еловыми шестами. Внутренность шалашей поражала пустотою, так как не заключала в себе ничего, кроме домашней утвари, сделанной из березовой коры и оленьих шкур, охотничьих и сбруйных принадлежностей, а также тяжелых зимних одежд, состоявших из тулупов и грубых одеяний, сшитых из оленьих шкур. Случайно нам удалось увидеть здесь также русский котел и горшок для варки, хотя нигде в других частях Центральной Азии нам не удавалось наблюдать такого незначительного влияния извне, как это можно было заметить здесь» (Каррутерс 1914:135).

Помимо оленеводства тоджинцы занимались также собирательством, охотой и рыболовством. Собирательство имело весьма существенное значение в их жизни и оно было довольно разнообразно в видовом отношении. Объектами собирательства являлись употребляемые в пищу

дикорастущие плоды, ягоды, орехи, семена и зерна злаков и других трав, корни и корнеплоды, стебли, молодые побеги, листья, почки, цветы, мягкая сердцевина деревьев и пр. Каррутерс отмечает, что летом тоджинцы пьют оленье молоко, в дополнение к нему употребляют кандык, растение из породы лилейных, который выкапывают с помощью мотыги; зимой ограничиваются копченым мясом дичи и кореньями, растолченными в порошок. Оленье мясо – редкое лакомство, «так как убой этих животных считается расточительностью», его заменяет мясо любой дичи, добытой на охоте (Каррутерс 1914:232-233).

Охота – не только способ существования, но и, как считает Каррутерс, способ «проявления хитроумного искусства туземцев». Он пишет: «В своем грязном кожаном неопределенного цвета одеянии, с головой, повязанной чем-то вроде старого носового платка, и в мягких меховых мокасиннах, урянхаец-охотник ухитряется пробираться так же неслышно и незаметно по лесам, как это делает и та дичь, за которой он охотится. К такому образу жизни он приучается с детства; в тайге он чувствует себя не хуже, нежели в своем родном вигваме». «Совершенно не редкость наблюдать здесь, как пара другая мальчуганов, не достигших еще и четырнадцатилетнего возраста, отправляется из лагеря на охоту, которая длится нередко по несколько дней. Верхом на своих юрких лошадках они углубляются в лесные чащи, не имея ничего с собой, кроме одетой на себе одежды, перекинутых за спинами ружей, мешков с закисшим оленьим или кобыльим молоком, привязанных к седлам». «Ружья, употребляемые туземцами... отличаются... длинными, привязанными к передней части стволов в виде поддержек, вилок... величина этих поддержек... обуславливается густой и буйной растительностью, поверх которой им приходится здесь обычно стрелять». «Собаки, которых мы видели в урянхайских лагерях, совершенно особой породы и проявляют, как говорят, замечательные охотничьи способности. Они представляют из себя тощих, небольшого размера, лукавого вида животных с остроконечными ушами и заостренными мордами (носами). Почти возле каждой палатки было привязано обычно по одной такой собаке, и мы смело можем заверить, что все они превосходные сторожа. С этими-то собаками охотники-туземцы прекрасно выслеживают и преследуют соболей, куниц, лисиц, рысей и векш (белок)» (Каррутерс 1914:239, 241).

Что касается рыбной ловли, жители Тоджи являются чуть ли не единственными знатоками этого дела, в то время как основная часть тувинского населения равнодушна к этому промыслу. За это их другие прозвали «озерным народом». Наиболее предприимчивые из них ловили рыбу в Тожу-холье главным образом для продажи сибирским переселенцам.

Сами же они рыбу употребляли редко и в небольших количествах. Равнодушие тувинцев к рыболовству Каррутерс объясняет их полным неумением использовать реки и озера в качестве транспортного сообщения. В результате они «не сумели возвыситься до примитивного искусства постройки лодок и, будучи замечательными знатоками в использовании бересты, даже никогда не пытались соорудить челноков из этого материала» (Каррутерс 1914:242-243).

В лице оленеводов-тоджинцев англичане обнаружили совершенно особую группу, которая, с одной стороны, как бы и являлась частью тувинского народа, с другой – имела ряд отличительных признаков в хозяйственном укладе, антропологическом типе, фольклоре и даже в психологическом складе. В литературе неоднократно отмечается, что тоджинцы отличаются от жителей других районов Тувы своим языком и обычаями, они «не представляют строго определенной расы», «среди них можно встретить как типичные европейские лица, так и монгольские, а также разные переходные степени, а честность у них «поразительная и это сильно отличает их от урянхов (тувинцев – М.М.) всех других хошунов» (см. Традиционная культура 2003:175-177).

Сегодня тувинцы-тоджинцы признаны этнографической группой. Согласно теоретическим разработкам российских этнологов Р.Г.Кузеева и В.Я.Бабенко, все многообразие этнических общностей сведены к двум основным, базовым типам подразделений этноса – этнографическим и этническим группам, которые «являются основными родовыми понятиями этнических образований, таксономически низшего порядка, чем этнос» (Кузеев, Бабенко 1992:17).

Согласно предложенной классификации, как этнографические, так и этнические группы являются подразделениями этноса и в этом качестве обладают, в пределах общих свойств этноса, определенным языковым и культурным своеобразием. Различает же их такой существенный признак, как территория формирования и функционирования. Этнографические группы, по Р.Г.Кузееву и В.Я.Бабенко, складываются на основной этнической территории и не изолированы от этнического ядра, что весьма существенно. Будучи органической частью материнского этноса, этнографические группы участвуют в процессе его консолидации в более сплоченную общность, в том числе и национальную, т.е. участвуют в поступательном этнокультурном развитии этноса, общим результатом которого является постепенная нивелировка локальных особенностей и слияние с преобладающей, наиболее крупной и развитой этнической общностью. Другими словами, под этнографической группой следует понимать внутренние части этноса, отличающиеся от основного массива

определенными особенностями в языке, в материальной и духовной культуре, однако функционирующие в территориальных рамках материнского этноса и участвующие в процессах внутриэтнической консолидации (Кузеев, Бабенко 1992:18-19).

В советское время при переписи населения оленеводов-тоджинцев не выделяли в отдельную этнографическую группу, поэтому установить их численность было невозможно. Однако, по данным местной статистики, в 1997 г. их насчитывалось 5212 человек, в том числе на территории Шынаанской администрации — 1993, Азасской — 1454, Ийской — 1379, Сыстыг-Хемской — 228, Чазыларской — 158. Это составляло около 5 % всех тувинцев.

В настоящее время тоджинцев насчитывается 4442 человек; основная их часть проживает в четырех населенных пунктах, расположенных в северо-восточной части Тувы. Это деревни Адыр-Кежиг с населением 1127 человек, Ий (1141), Хам-Сыра (156) и Сыстыг-Хем (187). Еще 200 тоджинцев числятся как проживающие в тайге, на территориях, входящих в состав Ийской и Азасской сельских администраций. В число жителей Тоора-Хема, административного центра Тоджинского кожууна, входит 2727 человек. Среди них, несомненно, есть тувинцы-тоджинцы, однако в связи с тем, что Тоора-Хем не отнесен к районам проживания малочисленных народов, данных по их численности не имеется (Тюркские народы 2008:186).

Традиционное оленеводство тувинцев-тоджинцев относится к саянскому типу, для которого характерно использование оленя под седло и вьюк, при этом применяются конское седло со стременами и тремя подпругами, особое детское седло и вьючное седло, при езде используется палка. Стадо оленей пасется вольно без пастушеской собаки и постоянного присмотра пастуха. Результаты многих исследований показали, что саянский тип оленеводства, сложившийся в этом регионе, возник под влиянием коневодства тюрко-монгольских народов и потому максимально приближен к нему (Итс 1991:110; Рассадин 2000:17). Наличие в данном регионе благоприятных условий для оленеводства привело к тому, что здесь возникли четыре близкородственные группы оленеводов и охотников, населяющие четыре сектора Саянского перекрестка. Это тоджинцы в юго-западном секторе, *тофалары* в Иркутской области на северо-западе, *туха* или *цаатаны* в северо-западной Монголии в юго-восточном секторе перекрестка и сойоты в Республике Бурятия в северо-восточном секторе. Все эти народы населяют узкую переходную зону между сибирской тайгой и степями Внутренней Азии и представляют собой ядро Южно-Сибирского и Монгольского оленеводческого комплекса (см. Donahoe,

Plumley 2003). Все они говорят на очень близких диалектах тувинского языка. Хотя следует заметить, что тувинский язык все же является первым языком для всех тоджинцев. Их местный диалект, который исследователи считают «наиболее обособленным и интересным из всех тувинских диалектов» (Сат 1987:73), постепенно исчезает и уступает место более стандартному центральному диалекту, который распространяется через средства массовой информации и систему образования.

После официального «отделения» жителей Тоджи от тувинцев их стали называть *тувинцами-тоджинцами*, поскольку в бытовом сознании они воспринимаются как часть тувинского этноса. Однако американский антрополог Б.Донахо (фото 20) считает, что с исторической, культурной и этнической точек зрения тоджинцы ближе к другим этническим группам, населяющим Восточные Саяны, чем к тувинцам, проживающим в центральной, западной и южных степных зонах Тувы (Тюркские народы 2008:189). В 1993 году тоджинцы получили статус малочисленного коренного народа Российской Федерации.

В советское время, начиная с конца 1940-х годов, когда в Тодже были созданы три колхоза, оленеводство как вид экономической деятельности развивалось и распространялось гораздо шире, чем сейчас. Однако в 1980-х годах здесь была предпринята неудачная попытка получить доход от оленеводческих хозяйств путем ежегодного срезания оленьих пантов для продажи их на рынках Восточной Азии. К сожалению, эта практика оказалась губительной для здоровья животных, она привела к массовому вымиранию оленей. Их падеж достиг максимума в 1996 г., когда вымерло 400 голов, после чего срезание пантов было прекращено. Оленеводческие хозяйства к этому времени оказались не способны выживать самостоятельно. Распад СССР сказался на них самым неблагоприятным образом. Оленеводы, находившиеся до этого на государственном обеспечении, буквально в одночасье лишились самых необходимых вещей: снегоходов, моторных лодок, брезентовых палаток, нарезных ружей для охраны стад от волков, вездеходной техники для вывоза продукции и организации хозяйственной деятельности общин, оборудования для переработки и хранения продукции таежного промысла, горюче-смазочных материалов, комбинированных кормов и т.д. Пункты сбыта таежной продукции также были ликвидированы. Ослабла и ветеринарная помощь. Если в советское время ветнадзор осуществлял дипломированный специалист – совхозный ветеринар, то в постсоветское эта служба прекратила свое существование, в результате чего многие олени стали умирать от болезней, которые можно было бы предотвратить. А народные методы их лечения к тому времени были полностью утрачены.

Ряд торговых предприятий и организаций, ранее обслуживавшие районы компактного проживания оленеводов товарами первой необходимости, прекратили свою деятельность. А сами оленеводы по несколько лет не получали заработной платы. В сложившейся ситуации экономического кризиса и безудержной инфляции они вынуждены были забивать оленей, чтобы прокормиться самим или получить наличные деньги от продажи оленины. В совокупности все эти факторы привели к катастрофическому обнищанию тувинцев-тоджинцев и резкому сокращению оленьих стад – от 14.000 голов в 1982 го. до 1100 в 2001 г. (Тюркские народы 2008:197-198).

По данным Министерства здравоохранения республики, в Тоджинском районе в 1995 рождаемость снизилась по сравнению с 1994 годом на 42, 6 %, смертность увеличилась на 30 %. В 1995 году естественный прирост у них составил 25 человек, в 1996 г. - 23 человека. Резко выросла заболеваемость местного населения.

Кроме того, переход к рыночным отношениям резко обострил ситуацию с занятостью населения. Особенно заметно это стало в небольших населенных пунктах, где в связи с реформированием аграрного комплекса произошло огромное сокращение рабочих мест. Большинство состоящих на учете в службе занятости оказались молодые люди до 30 лет. В Шынаанском районе они составили 65,1 %, в Тоджинском районе - 43,3 %. Безработица привела к оттоку высококвалифицированных специалистов и молодежи в город. По данным 2002 года, только 659 тоджинцев имели постоянную работу.

Так, тувинцы-тоджинцы оказались на грани катастрофы; вопрос их выживания и сохранения как самобытной этнографической группы с присущими ей особенностями хозяйства и культуры, как никогда встал остро. В связи с этой ситуацией в июне 1995 года Президентом Республики Тыва был принят указ «О мерах по развитию оленеводства в республике». Указом предусматривалось, что поголовье оленей, имеющих в сельскохозяйственных предприятиях и общинах, являются их коллективной собственностью, и приватизации не подлежит. Общинам временно в течение трех лет запрещалось сдавать оленей государству, забивать их на внутривладельческие нужды и выдавать в качестве натуральной оплаты.

В 2000 году в одном из оленеводческих стойбищ побывала тогдашний министр по делам социального развития Российской Федерации Валентина Матвиенко. Одной из основных жалоб, услышанных ею от оленеводов, было плохое состояние их палаток и отсутствие новых. Вскоре после ее визита по указанию федерального правительства оленеводам доставили 1000 метров брезента. Этого оказалось достаточно для изготовления

только 20 палаток. Однако гораздо важнее было то, что с 2001 г. все оленеводы получают ежегодную субсидию, размеры которой зависят от размера оленьего стада. Сначала она была 350 руб. на одного оленя, а в 2004 г. повысилась до 500 руб. Оказалось, что такая субсидия – очень важный фактор для поощрения оленеводов и достаточно сильный стимул для развития оленеводства. Число домашних оленей несколько увеличилось: с 1100 в 2000 г. до 1400 в январе 2005 г. (Тюркские народы 2008:204).

Помощь жителям Тоджи оказывают некоторые международные организации. Например, французская неправительственная организация «Акция против голода» побывала здесь в 2000-2001 гг. и доставила продовольствие и одежду в помощь интернатам для детей оленеводов. Американская неправительственная организация «Totem Peoples Preservation Project» работает в регионе с 2000 г. Эта организация старается помочь оленеводам улучшить здоровье оленьих стад: доставляет им медикаменты, необходимые для ветеринарного надзора, осуществляет другие необходимые поставки, а также организует подготовку ветеринаров.

В 2004 году Великим Хуралом Республики Тува был принят закон “О родовой общине коренного малочисленного народа тувинцев-тоджинцев”, который призван решать главную проблему, а именно установление и обеспечение государственной защиты исконной среды обитания жителей Тоджинского кожууна, а также их традиционного образа жизни и ведения хозяйства. Этот закон предоставлял тоджинцам правовую защиту, которой у них до этого не было. Согласно ему, община управляется общим собранием, советом общины и председателем совета; она имеет право разрабатывать устав и иметь свое имущество; несколько общин могут объединяться в союзы (ассоциации) и иметь преимущественное право на использование природных ресурсов в местах своего проживания; общины также имеют право на соблюдение религиозных обрядов, создание собственных культурных центров. Вопросы землепользования общины и его собственности регулируются Земельным и Гражданским кодексами. Была также создана Ассоциация тувинцев-тоджинцев Республики Тыва. В ней состоит около 1100 индивидуальных членов, пять родовых общин — «Сыстыг-Хем», «Улуг-Даг», «Одуген», «Хам-Сара», «Тере-Хол». Ассоциация тесно сотрудничает с Корпорацией общин малочисленных народов Севера Российской Федерации. Созданы профсоюзный фонд и фонд сохранения оленеводства малочисленных народов Республики Тыва.

Для координации деятельности оленеводческих хозяйств на федеральном уровне была создана Корпорация общин малочисленных народов Севера. Основная задача Корпорации состоит в сохранении

численности оленей, проведении селекционной работы и создании племенного стада в регионах, где местное население традиционно занимается оленеводством. Этому занятию, которое по-прежнему считается почетным и уважаемым, обучают как в профессионально-техническом училище в Тоора-Хеме, так и в престижном Институте северного оленя в Якутске, в Республике Саха-Якутия.

Несмотря на сложности судьбы, тувинцы-тоджинцы до сих пор продолжают сохранять все основные элементы своей традиционной культуры — язык, обычаи и обряды, нормы поведения, традиционные праздники и обряды. У них широко бытуют устное поэтическое творчество различных жанров, традиционная музыкальная культура (включая горловое пение). Актуальным остается и культ природы, который проявляется в многочисленных обрядах, основа которых – демонстрация уважения к духам-хозяевам местности (тув. *чер ээзи*). Еще Каррутерс отмечал, что «урянкаец в своем простодушном и несложном веровании видит себя постоянно со всех сторон окруженным какими то тайнами и всегда переживает ощущение чего то сверхъестественного»; если встречается ему на пути какая-нибудь преграда, вроде реки, которую надо перейти, или горы, которые нужно перевалить, «поклонник природы» обязательно прибегает к умиловлению духов местности (Каррутерс 1914:259, 261). «Это мировоззрение, пронизывающее сознание большинства тоджинцев, никоим образом не зависит от личности шамана, - пишет уже современный американский антрополог Б.Донахо, - следовательно, его скорее следовало бы назвать разновидностью анимизма». Он также утверждает, что тоджинцы, несмотря на то, что во всех кожуунах Тувы прочно утвердился буддизм, остаются равнодушными к этой религии. Более того, когда из федерального бюджета им выделили средства на строительство буддийского храма, большая часть населения не поддержала эту идею, мотивируя тем, что существуют много более важных и полезных задач, на решение которых можно было бы направить эти средства.

Интересную историю однажды рассказали нам информанты. Дело было в сентябре 2003 года, когда в Туву пожаловал один из авторитетов тибетского буддизма Его Святейшество Богдо-гэгэн 1X Джебцун Дамба хутухта, чтобы дать народу Посвящение в Калачакру Тантру. Он в нескольких кожуунах проводил подготовительные обряды; один из них состоялся в Тодже. На этот обряд, как утверждают информанты, помимо местных жителей пришли также духи-хозяева местности. Их видели люди, обладающие тонким духовным зрением (такие всегда встречаются среди тувинцев – М.М.). Духи выглядели очень страшно, они были очень

голодные и ободранные. Но во время обряда они стали преображаться, от них начал исходить приятный свет. Сам Богдо-гэгэн прокомментировал этот случай так: «Одной из главных целей подготовительных ритуалов к Калачакре Тантре является именно благословение местных духов, принесение им пользы. Если духи получили удовлетворение от ритуалов и обрядов, это значит что в будущем это место, то есть Тоджа будет развиваться в позитивном русле, созидательные процессы там ускорятся. Это также свидетельствует о том, что народ Тувы получил благословение самого божества Калачакры. Это очень благоприятный знак» (из интервью с Его Святейшеством Богдо-гэгэном 1X – М.М.).

Другую историю общения человека с духом-хозяином местности записал Б.Донахо. Одна пожилая тоджинка рассказала ему, как однажды в темное время суток она оказалась возле холма. Она забралась на его вершину и пыталась там переночевать. Всю ночь она слышала, как дул ветер сквозь ветви деревьев и как хозяин местности приказывал ей покинуть это место. Она не могла заснуть, и в конце концов в четыре часа утра к ней подошел странный человек, заставил ее подняться и велел отправиться в путь. Она ушла и только уходя поняла, что это этот странный человек был вовсе не человеком, а *чер ээзи*, т.е. духом-хозяином местности, а холм этот был священным местом. Местные жители считают, что если провести здесь ночь, то хозяин местности не даст заснуть, а тот, кому заснуть все же удастся, умрет в течение года (Тюрские народы 2008:195). Общение людей с духами, таким образом, реально происходит и в наши дни. Для современных тувинцев в этом нет ничего удивительного.

Что касается современной религиозной жизни тувинцев-тоджинцев, то она сводится в основном к охотничьим и промысловым обрядам. Например, собираясь на охоту, охотники всегда обращаются к духу-хозяину местности с просьбой даровать им крупного зверя, например, марала. Духу-хозяину они преподносят первый кусок сваренного мяса; ему же достаются первые брызги утреннего чая. Если же охота оказывается неудачной, охотник думает, не обидел ли он духа-хозяина местности, не нарушил ли он сложившиеся доверительные отношения с ним. В последнем случае подразумевается нарушение определенных запретов, например, охотники вообще не должны охотиться, не должны рубить деревья, не должны ставить лагерь для ночевки в местах, которые считаются священными. Существует также запрет убивать некоторых животных, особенно животных белого цвета или обладающих необычными приметам. Помимо этого, нельзя убивать больше того, что необходимо. Вольное или невольное нарушение всех этих запретов, по мнению

тоджинцев, может вызвать гнев духа-хозяина местности (Тюркские народы 2008:193-195).

Следует заметить, что ощутимые различия между тоджинцами и другими этническими группами в их отношении к природным ресурсам и особенно к охоте на диких животных иногда приводят к межэтническим трениям. Например, тоджинцы обвиняют русских в том, что те охотятся не по правилам и стреляют без разбора во всех животных, которые им попадаются. В качестве довода приводится следующий аргумент: если русский видит пять маралов, он убьет их всех, потом возьмет панты и гениталии, а все остальное оставит гнить; тоджинец же убьет одного и целиком его использует, а остальных не тронет. Однако эта проблема стоит не только между тоджинцами и русскими, но и между тоджинцами и прочими тувинцами, приезжающими в Тожду из других кожуунов для коммерческой охоты и рыболовства (Тюркские народы 2008:196).

По наблюдениям Б.Донахо, крайне важные для тоджинцев ресурсы диких животных, которые являются для них главным источником животного белка и дохода от продажи пушнины, в последнее время истощаются браконьерами в целях контрабандной торговли органами животных на “черном рынке”. В числе других угроз - разрушение среды их обитания добывающей промышленностью, в первую очередь связанной с добычей золота и лесозаготовками, а также соблазн получения легкой прибыли от охотничьего туризма, организуемого для иностранных клиентов. Противостоять этим угрозам, по мнению ученого, можно, лишь предоставив оленеводам необходимые гарантии того, что они смогут продолжать заниматься охотой в целях жизнеобеспечения, что их земли будут защищены законом от приватизации и дальнейшего использования в промышленных целях, что охота некоренных жителей на территории Тоджинского кожууна будет запрещена. В противном случае исчезновение оленеводства и связанных с ним образа жизни приведет к сокращению невосстановимого биологического разнообразия и утрате уникального культурного наследия.

4. «Храм стоял словно отличный межевой знак»

К моменту приезда в Туву английской экспедиции на ее территории насчитывалось довольно много буддийских монастырей. Однако англичанам удалось посетить и обстоятельно описать только два из них: Овгон в Тоджинском и Верхнечаданский – в Хемчикском (совр. Дзун-Хемчикском) кожуунах.

Строительство монастырей (тув. *хурэ*) на территории Тувы стало важнейшим свидетельством распространения буддизма в стране (фото 11,